

Ирина БАУЭР

Донецк

Ирина Васильевна Бауэр по образованию архитектор, математик. Занимается преподавательской деятельностью. Член Союза писателей ДНР и ЛНР (Донецк, Луганск), председатель Донецкого городского объединения Межрегионального союза писателей (МСП). Член Союза писателей России. Главный редактор донецкого литературно-художественного журнала «Сундук».

МАГДАЛИНОВКА

Как только не называли жители буфет, маленький и деловитый, на железнодорожной станции Магдалиновка: «Клуб победителей», «Пивной причал», «Люськин колпак», но чаще — «Мишкин дом». Буфет славился на весь шахтёрский посёлок витриной с механическим плюшевым медведем. Благодаря наличию тайного механизма опилочный зверь, особенно по утрам, отчаянно ревел перед восторженной детворой, ритмично поднимая лапки, опрокидывал стакан за стаканом томатный сок. А по вечерам баловался янтарным пивом под тугие удары бильярдных шаров.

Наша память сродни расплывчатому хмелю: блуждая в жилах, растёт градусной диаграммой, пенится, теснится, сопровождая каждый глоток воспоминаний резким выходом отработанной жизни. А может, это поезда, пролетая через Магдалиновку, уносят из закоулков прожитые годы? Магдалиновка слыла местом магическим, полным чудес. И Лёша всем сердцем стремился сюда.

Лёша, так звали шестилетнего пацанёнка, каждый день встречал отца после смены. И пока, утруждённый забоем, молистый шахтёр, фыркая, отплёвывал сладкую водицу, барахтаясь в огромной деревянной бочке под яблоней, Лёшка терпеливо поливал в огороде рассаду. Мысленно упрекал отца за то, что тот слишком медленно тёр полотенцем загрубелую кожу, а

затем в тесноватой горнице, сидя верхом на колченогом табурете, с аппетитом разжёвывал запечённого гуся, горячего, истомившегося в янтарном жире. Лёшка, взобравшись на подоконник, нервно болтал ногами, глядя на жующего отца, поскуливал от нетерпения. Насытившись, отец сосредоточенно ковырял спичкой в зубах и наконец, в белом чесучовом костюме, пахнущий одеколоном «Гвоздика», шагал через балку на станцию.

Волшебство начиналось сразу, как только Лёшка попадал в буфет. Аромат свежих опилок, рассыпанных на полу, напоминал хвойный лес. Смешивался с приторным благоуханием конфет, лимонных вафель и пивного хмеля, дурманил привкусом счастья.

— А вот и Лёшка! — невысокий рябой парень в танкистском шлеме похлопывал мальчика по плечу. — Пришёл, дружбан.

— Дядя Валёк! — радовался Лёша.

— Валёк, как дела? Шлем башку не давит? — посмеивались шахтёры.

— Держи, пацанёнок, — Валёк доставал из кармана петушка на палочке, старательно обтирал о рукав, протягивал Лёшке.

Валёк работал запальщиком на шахте. Его уважали за добродушный нрав, но более всего — за техническую жилку: он безошибочно определял на слух сбой в любом механизме шахтного оборудования, чувал метан, не раз спасая жизнь работягам. Шахтёры подтрунивали над танкистским шлемом, с которым Валёк не расставался ни зимой, ни летом. Он не снимал его никогда.

— Шо у тебя под шлемом, богатство спрятано? — расспрашивала плечистая ламповщица Галя.

Частенько после смены она задерживалась, с любопытством наблюдала за Вальком, ремонтировавшим какой-то мудрёный механизм. Лушила семечки, призывным смехом отвечая на шутки проходивших мимо шахтёров, и тогда из её глаз сыпались искры, обжигая Валька желанием любить.

— За поцелуй расскажу.

И однажды, впервые за несколько лет жизни на посёлке, Валёк добился своего. Ламповщица Галя, стгорая от любопытства, поддалась соблазну, переспала с Вальком. Заглянув под шлем спящего Валька, девушка быстро разочаровалась: Валёк оказался не тем, кого она заманивала в мужья. К весне на восстановление шахт в Донбасс вербовалась молодёжь, приезжие пополняли ряды неженатого народонаселения, у шахтёрок вновь появился вкус к танцам и свиданиям.

Галочка всё чаще бегала на поиски счастья в синематограф, упиваясь трофейной любовью.

«Всё, — решил Валёк. — От ламповщиц одни неприятности».

А тут ещё заезжий военком приподнял завесу тайны. Оказалось, что Валёк горел в танке на Курской дуге. Военком, мужик бывалый, перештопанный вдоль и поперёк, сам удивлялся, как тот мог выжить после ранения, несовместимого с жизнью.

Валёк, захмелев, тихонько бубнил себе под нос:

— Болтун проклятый! Куды ж мне шлем снимать, когда голова мёрзнет? Череп-то снесло.

И понесло Валькá от одной вдовы к другой, пока очередь не дошла до поварихи шахтной столовой Клавдии, женщины мягкотелой, как блины на сыворотке, лет под сорок. В чём-то их судьбы оказались схожими. Валёк на себе испробовал горящий танк, а Клава вела борьбу за красоту, безжалостно сжигая перекисью волосы, — химическая завивка, по мнению Клавды, была способна очаровать Валькá. Наносила на щёки многослойные румяна, к вечеру покрываясь пятнами от дешёвой косметики. Война съела всех, кого любила и ждала Клава. Рядом подросли красивые и молодые, превратившись из подростков военного времени в послевоенных красавиц.

Бабочку всегда тянет на красивый цветок, а мужчину — к красивой женщине. Не важно, как сложатся их отношения в будущем, тяга к красоте первична. И в этом Клавдия усматривала трагедию рано постаревшей женщины. Она считала себя уродливой, одинокой, но оказалась больше всего нужной Валькú.

— Валёк, вечно ты вляпаешься в историю, — шутили шахтёры, потягивая пиво. — Клава добрая, работающая, только в возрасте у вас большая дистанция.

— Шо б вы понимали, охламоны, — басил Валёк. — Каждый день я называю Клавочку красавицей, хвалю её причёску, и этого достаточно для счастья.

В центре помещения располагалась буфетчица тётя Люся, высокая грузная женщина с большим животом и жёсткими, как у солдата, чёрными усиками. В шутку горняки называли её капитаншей «пьяного» корабля. На голове Люси-Люсьен возвышался накрахмаленный белый колпак чуть ли не в полметра. Завидев Лёшу, тётя Люся оживлялась. Выражение «сурьёзности» на лице сходило мгновенно, уступая место ласковой слезливости.

Прибытие пива в буфет — дело нешуточное. Это целый ритуал, да ещё какой! Вкатывались дубовые бочки, оставляя

след мощных железных обручей на опилках. Выбить пробку, чтобы затем вставить в отверстие пивной насос с изогнутой металлической ручкой, доверялось только Валькú, и, значит, в первую очередь бокал пива доставался именно ему по негласному закону Магдалиновки.

Разношёрстный люд томился в ожидании. Застиранные гимнастёрки соседствовали с чесучой, шахтёрский китель — с ватником, шинели — с габардиновым плащом. Как заходящее солнце бросает на землю последний красочный луч, так и люди рассеивали между собой семена одних и тех же разговоров. Дымили махрой и папиросами, терпеливо слушали собеседника, отхлёбывая счастье из бокала. Оно казалось огромным, неисчерпаемым, способным истребить тоску по чувству победы, которую испытал каждый из них. Так же быстро, как иссушался бокал пива, гасли жизни победителей. Получив в вассальную собственность долгожданную победу, они так и не сумели ею попользоваться.

Разгорячившись, Валёк сбрасывал тяжёлый промасленный ватник, и тогда наступало самое интересное. Лёша терпеливо ждал этого момента. С готовностью взбирался на колени к парню, чтобы сладостно вдохнуть запах сказочной вещицы. Всякий раз, касаясь её, Лёша загадывал только одно желание: увидеть новогоднюю ёлку, украшенную игрушками. Маленькая жёлтая звёздочка на застиранной гимнастёрке Валькá казалась Лёше сродни новогоднему чуду.

— Дядя Валёк, дай поиграть, — просил Лёша.

— Не наглей, — отец сурово грозил пальцем. — Ишь ты, сосунок, — Звездой Героя Советского Союза поиграть!

В этот момент Люсьен снимала с витрины пузатую коробку конфет и, погладив крупной натруженной ладонью льняной чубчик Лёшки, приговаривала:

— Кушай на здоровье! Тю на них!

Изводил он конфеты постепенно, совершая своеобразный обмен: мне — конфетку, тебе, коробка, — обёртки. Утомлённый, засыпал прямо за стойкой на тюфяке тёти Люси.

По прошествии времени спрашиваю у Лёшки, Алексея Ивановича, солидного лысеющего мужчины, главного энергетика шахты «Восточная»: что́ для него детство? Смеётся. Смущённо трёт пальцем переносицу. Говорит, что там, в буфете, он видел тех, кто двигал историю в вечность, тех, кто до конца

даже не осознавал, что держал судьбу всего мира в заскоруженных солдатских руках.

— Никогда и нигде так сладко я не спал, как на Магдалиновке. И так мне там было хорошо! — утверждал Алексей Иванович, жадно затягиваясь сигаретой.

Каждый вечер учитель немецкого, Яков Иванович, в просоленной гимнастёрке, прихрамывая, появлялся на станции.

— Приветствую Пиквикский клуб в полном составе, — здоровался с завсегдатаями.

— Ну, Иваныч, как всегда, ввернёт, — хохотали шахтёры. — Скажи по-простому: побухать зашёл.

— Если бы, — хитро щурился Яков Иванович. — Поодиночке после такой страшной войны мы передохнем. Все живы?

Прав Варлам Шаламов, Колыма проморозила души людские. Но только не Якова Ивановича, Яшеньки. Удивительным образом душевная тупость, безразличие не прижились, не раскрыли шрамы без вины виноватого молоденького лейтенанта, а колымский холод и голод не превратили человека в трусливое животное. Раненым попав в плен, позже Яша искупал вину пред Родиной в местах, где мороз «обращал в лёд слюну на лету».

— Потеснитесь, ребята, — смеялся Яков Иванович, — выпьем за родину.

— А что для тебя родина, Яша? — вворачивал захмелевший Валёк.

— Моя женщина. Изнасиловали, оплевали враги. Я защищал её.

Поделившись бесценным опытом личной привязанности к небольшому шахтёрскому посёлку, во имя которого они горели в танках, умирали в окопах, управляли боевыми самолётами, дали Лёшке значительно больше, чем любая школьная педагогиня.

Социологи называют время, в котором мы живём, эпохой автоматизации. Мы одиноки, как атомы. Мы тонем в личном пространстве, живём каждый сам по себе, презирая тесноту толпы, несём, как тиару на голове, одиночество и прагматизм, градус которых зашкаливает на огромной планете. Прагматизм сродни палачу — разрушая иллюзии, оставляет в душе пустоту.

Внезапно в рядах собравшихся происходило оживление. Дверь распаивалась, и двое крепких мужиков вносили на руках Сергея Черкасова.

— Принесли. Серёжа, Серёжа!

Он легенда посёлка, единственный, кто до войны закончил Качинское лётное училище; приезжая на побывку, поражал местных невест не только природной мужской красотой, но военной выправкой, мундиром с иголки. Встречали его примерно так, как в своё время Юрия Гагарина: восторженно, весело, взволнованно. Такого всеобщего обожания не знал ни один из мужиков, трудившихся на шахте. Черкасов силой обладал нешуточной, но какой-то буйной и неуправляемой. Единственное, что держало его в рамках закона, так это армия. К началу войны он уже сопровождал Северные конвои в Мурманске в группе торпедоносцев, вылетая на перехват вражеских подлодок. Лётчиков называли смертниками, и они действительно гибли один за другим. И только Черкасова смерть не жаловала. Слепла или потеряла хватку. А может, к всеобщему удовольствию земляков, и сама влюбилась в Сергея. Опекала, заботилась.

— Серёга, здорово! — слышалось со всех сторон.

— Какой человек! — Люсьениха, орудуя ручкой насоса, спешно наполняла пузатый бокал.

— А помнишь, Серёга, как ты до войны здесь шары катал? Любо-дорого смотреть. Ни одного промаха, точнёхонько в лузу, — оживлялся Валёк.

— Угомони Ленку, — наклонившись к Сергею, нашёптывал Лёшкин отец. — Начальника участка под выговор за аморалку подвела, теперь за парторга шахты взялась. У мужика двое детей. Красивая она у тебя, Серёга. Извиняй, если шо не так ляпнул, но и стерва приличная. Мужиков, как орехи, лушит.

Черкасов, небритый, играя скулами, резко запускал пальцы в густоту засаленных волос, взъерошивал, глядя перед собой бессмысленными, сверкающими, точно у раненого зверя, глазами. Придвинув поданный бокал, пил медленно, не проронив ни слова.

Родители звали Еленой, подруги — Леночкой, а классная руководительница, коммунистка Зоя Гавриловна, посвятившая жизнь нравственному воспитанию молодого поколения, сурово окликала по фамилии — Маркова. Стоило девочке надеть на школьный вечер мамину гипсоровую кофточку, Зоя Гавриловна громогласно срамила, утверждая, что та нарочно «выставляет груди напоказ», демонстративно измеряла расстояние от подола юбки до колен. К восьмому классу, как-то слишком быстро на глазах у всего посёлка, она превратилась из угловатой девочки

в белолицую красавицу с чистым, ярким взглядом глубоко посаженных зелёных глаз, тонкими чертами лица, густой шевелюрой бронзовых волос. К тому времени, когда Черкасов впервые увидел Леночку, она уже окончила школу, училась в медицинском училище. Приехав на каникулы к родителям, по вечерам танцевала до одурения во Дворце культуры при шахте Ворошилова. В перерыве грызла яблоки, обсуждая с подругами парней.

За Дворцом культуры, в балке, парни устроили ледяную горку. Леночка то и дело громко взвизгивала, от скорости, с которой санки неслись вниз, захватывало дух, встречный ветер обжигал лицо. Прижимая к губам мокрую варежку, всякий раз пугалась по-детски, когда подпрыгивала на ухабах. Поселковые парни таскали за ней салазки наверх с раболопным удовольствием.

— Маркова, ты что творишь? — заплаканная Зоя Гавриловна перехватила Леночку у горки.

— Катаюсь, — хохоча, ответила раскрасневшаяся от мороза и быстрой езды красавица.

— Чума ты, Маркова. Внук мой Пётр отравился.

— А я тут при чём?

— Ты его бросила!

— Я ему ничего не обещала! Шли бы вы своей дорогой.

— Уезжай отсюда по-хорошему, — разрыдалась Зоя Гавриловна.

— Вот ещё! — фыркнула Леночка и побежала на горку.

Когда в сумерках возвращалась домой, Черкасов подстерг её у забора, притянул к себе, Леночка рассмеялась. Откинув голову, глядела, не отрывая глаз от Сергея, пульсировала в глазах маленькая чёрная точка, расходясь радужными кругами. «Ящерка», — подумал Черкасов. Через две недели, скоропалительно отгуляв свадьбу, Сергей вернулся в Мурманск. А летом началась война.

— Ну, как он? — спрашивали у отца мужики.

— Переживает.

Черкасов, обхватив ладонями бокал, отрешённо глядел в одну точку поверх притихших товарищей.

— Ещё не созрел, — со знанием дела говорил Валёк. — Не захорошело.

Черкасов, медленно отодвигая бокал, вдруг запел. В образовавшейся тишине его сильный, густой бас звучал страстно, мощно:

— Эх, дороги, пыль да туман...

Он не просто пел, он пропускал каждое слово через душу. За стойкой тихо всхлипывала большая Люсьен, многие плакали не от выпитого, а от чего-то такого, что и словами не выразишь!

— Да ну вас всех к чёрту! Усё моё нутро на дыбы поставили, — вопила большая Люсьен. — Идите уже все сюды. Каждому по бокалу пива за мой счёт. Помяните моего сыночка Лёшеньку, при Берлине погибшего.

А Сергей пел так, точно искал противоядие недугу, что исподволь подтачивал остатки силы. Она, сила, током ещё играла в его жилах, прожигая насквозь. Ему и сорока не стукнуло, а он уже угадал, что смерть предъявила счёт его независимой душе за личное долготерпение. Он не боялся, когда тонул, выпрыгнув из горящего самолёта, когда валялся по лазаретам, обыгрывая смерть в напёрстки.

— Только баба может повалить такого мужика, — говорили на посёлке.

Черкасов многое прощал своей Леночке, всё то, что никогда никому не простил бы на войне. Он относился к предательству любимой с редкой терпеливостью. Всякий раз, когда она уходила к другому, он утверждал, что если не в этой жизни, то в будущей они непременно встретятся. Попахивало каким-то бредом в эпоху несокрушимого атеизма. Но Лена, нагулявшись всласть, возвращалась к мужу. В такие минуты он окончательно терял голову. Впрыгивал на табурет, затем на стол, Лена безропотно подходила, и он хлестал её по щекам. Легонько, потому что любил. В такие моменты она впадала в оцепенение, тугой пуповиной привязывает человека к человеку невидимая сила. И рад бы разъединить сцепленные пальцы, но снова и снова влечёт нас друг к другу. Брала руку мужа в свои ладони и долго, страстно целовала.

Особенно запало в душу Лёшке вымытое, чистое утро девятого мая 1955 года. Лётчик Черкасов, свежевыбритый, трезвый, в кителе с иголки, требовал у жены немедленно привести «агрегат». Тщательно собирался на митинг по приглашению исполкома, таким серьёзным и сосредоточенным Леночка давно не видела мужа. К вечеру, ожидая возвращения Сергея, она выходила на дорогу и, приставив щитком ладонь к глазам, всматривалась вдаль.

Праздник на посёлке гуляли долго и яростно. И вот, наконец, как шутил Сергей, появлялся волшебный его, Черкасова, личный ковёр-самолёт. Он представлял собой тележку для безногих.

Валёк сколотил её из струганных, отшлифованных до блеска обполов, за которыми ходил не один месяц на лесной склад. Выбирал придирчиво. Сторож Анисим брюзжал, требуя, чтобы тот угомонился и взял то, что дают, но Валёк был неумолим. Анисим объяснялся с Вальком междометьями, слов он не знал, а те, что помнил, забыл. Но в одном он оставался твёрд: Черкасов инвалид, и место ему в интернате. Жену избивает, пенсии никакой, нахлебник, груб и дерзок, обозвал его, Анисима, хорьком. Разговор, как обычно, заканчивался оплеухой, тем самым Валёк взбесил сторожа лесного склада.

— У, ты уж ты! Не того! А то я тебя того! — выкрикнул за секунду Анисим весь словарный запас.

Анисим что-то яростно промычал, но Валёк расшифровал проклятья за рукоприкладство. В сильном волнении Анисим залпом осушил бутылку водки и тут же, рухнув на обалолы, мгновенно уснул.

За поворотными колёсами в город отправили Якова Ивановича.

Валёк крепил их к сколоченным доскам, которые вначале покрасил, а затем оббил войлоком.

— Две мои ноги я оставил на память северному морю в Мурманске. Но зато взамен получил такую красоту, — грустно шутил Черкасов, поглаживая тележку.

— Мы тебя внизу шинелью замаскируем. Вроде как ноги будут.

В 1955 году я ещё не родилась и легендарного Черкасова, чьи военные подвиги передавались из уст в уста в посёлке, не застала. Никогда не видела Валька, поражавшего живучестью. Алексей Иванович, постаревший Лёшка, — единственный свидетель в пользу их жизни. Он снисходительно называл меня в разговоре то девушкой, то дочкой, я прониклась к нему дружеским чувством.

— Представь себе, девушка, — басил Алексей Иванович, — высиненное майское небо и дорогу, вдоль которой суетливо шумят молодые тополя. Черкасов, ловко отталкиваясь от земли зажатými в руках деревянными утюжками, движется по встречной полосе. Закрой глаза.

Видится мне, как в лёгком мареве майских садов, когда одурманенно пахнет первая клейкая зелень, смешиваясь с ароматами тюльпанов и сирени, движется доверху заваленная инвалидная тележка. Звон, опадающий с орденов, переливается

в воздухе нимбом над головой лётчика, кавалера всех мыслимых и немыслимых наград за мужество и отвагу. И в этом пылающем огне повязанных на шее сотен красных галстуков исходит от Сергея Черкасова сияние. Машины, как по мановению факира, разъезжаются в разные стороны, уступив место движущейся по «встречке» тележке. Одна за другой легковушки и грузовики выстраиваются вдоль тротуара.

— Сегодня наш день, ребята! — кричит Черкасов, потрясая над головой утюжком.

— Сергею Черкасову тоекратное ура! С Днём Победы! — слышится в ответ.

Бывшие фронтовики, молодые ребята, не нюхавшие пороха, повзрослевшие дети страшной войны, тоже приветствуют Сергея на весь посёлок, на весь мир непрерывным автомобильным сигналом, который превращается в единый планетарный гуд.

— Ура! — разрывают посёлок лужёные глотки абсолютно счастливых, гордых в этот момент, в этой точке мира победителей.